

Вейдер оглядел подземную комнату. Дом, который он привез с собой, был не слишком большим, но здесь у него была своя комната для медитаций. Он велел Шми и Энакину не беспокоить его здесь.

Сила больше не будет указывать ему, что делать. Он сам должен был понять, что лучше для его новой семьи. Но это было трудно, так трудно. Он ничего не знал о том, как стать отцом. В прошлом у него это ужасно получалось.

Почувствовав в груди искру паники, Вейдер сел и спокойно вздохнул. Он знал, что если хочет принять решение, то сначала должен разобраться со своим прошлым.

Люк не знал этого - и никогда не узнает, - но он узнал в принцессе Лее свою жену с первого же мгновения, как только увидел ее. Он узнал ее на той самой первой встрече в Сенате и понял, что Сидиус солгал ему. Но он ничего не сказал, не в силах выйти из своей роли, не в силах бороться с Императором и в какой-то степени не желая этого. Его дочь была так похожа на Падме, делая все возможное, чтобы защитить безопасность и свободу своего народа в Сенате, который был не более чем шарадой. Она выглядела довольной своей жизнью, и Вейдера это устраивало. Пока он не узнал, что она сотрудничает с повстанцами.

Слышать это было почти так же больно, как предательство Падме, когда она привела к нему Оби-Вана, чтобы убить его - только она этого не делала, не знала, и поэтому он дважды и трижды проверил, но не мог долго отрицать факты. И все же она была его дочерью, и он снова и снова позволял ей сбегать, позволял ей придумывать неубедительные оправдания и истории, чтобы отвести от нее подозрения как можно дольше. В конце концов, восстание было не более чем неприятностью, не представляющей реальной угрозы для Империи.

Вейдер никогда не одобрял идею создания боевой станции, способной взорвать целую планету. Он возглавлял имперский флот, и Звезда Смерти показалась ему попыткой заменить его. Он был оскорблен - у каждой машины есть слабое место, способ в мгновение ока сломать ее. Как могла эта станция, какой бы впечатляющей ни была ее огневая мощь, когда-либо приблизиться к мощи Силы? То, что он отвечал за защиту этой станции, раздражало его до крайности. Когда планы были украдены, он почувствовал почти облегчение. Вот только они достались его дочери, и он никак не мог отпустить ее после этого, не дав Императору узнать, кто она такая. С того дня ни для кого не было секретом, что она мятежница. Именно поэтому он... перепрограммировал ее.

Обычно он не делал ничего подобного. Это был любимый инструмент Сидиуса, чтобы убедиться, что все его красногвардейцы, десницы и даже Великие Моффы ведут себя хорошо, но Вейдер всегда предпочитал подбирать себе команду по принципу верности. Иногда он обращал повстанцев в шпиона, но никогда не поступал так с теми, кто ему нравился. Ну, или настолько, насколько это вообще возможно для ситха.

Он мучил Лею, ослабил ее тело и ничего не сделал, когда Таркин взорвал Альдераан, чтобы ослабить ее эмоционально, пока у нее не осталось абсолютно никаких защитных сил. Тогда он вошел в ее разум и стал копаться в ее воспоминаниях. Сначала он пытался найти что-то, что позволило бы ему обратить ее. Она была слишком стара, чтобы обучать ее Силе, но не

беспомощна. Но ее сердце было таким чистым, таким похожим на Падме, и он знал, что, если захочет обратить ее, ему придется уничтожить всю ее личность, а он не мог этого сделать. Вместо этого он заложил в ее голову несколько идей. Он поделился с ней некоторыми своими знаниями, усилил ее природные лидерские качества, внушил ей сильный страх перед Звездой Смерти, чтобы она никогда не пыталась вернуться на нее с безумной миссией. Он вдавливал в ее голову крошечные кусочки информации, планы строительства, карты и имперскую стратегию. Не настолько, чтобы использовать их в бою, но достаточно, чтобы выпутаться из сложной ситуации. Он знал, что она будет использовать его в интересах повстанцев, что он дает врагу мощное оружие. Он все еще был полон решимости уничтожить повстанцев, но Лея, он хотел, чтобы она смогла сбежать.

А потом появился Люк, существование которого стало неожиданностью даже для него самого, и у него появилась новая надежда. Люк был обучен как джедай (только позже он узнал, как мало это было), так что, возможно, он действительно окажется достаточно сильным, чтобы встать на его сторону. Если его дочь была похожа на Падме, то, может быть, его сын больше похож на него? В какой-то степени он им и был. Он был отличным пилотом, жаждал приключений и даже величия и любил свою семью. Его никогда не обучали джедайскому искусству, и все же он был... упоительно... светлым.

Наблюдая за тем, как его сына пытаются до смерти, он понял, что Люк способен освободиться, способен выбраться живым - но только если использует темную сторону. Вейдер отдал бы свою жизнь, позволил бы Люку убить его и занять его место, если бы только так Сидиус оставил его в живых. Но Люк отказывался это сделать. Его сын скорее умрет, чем обратится, как это было на Беспине. На мгновение это озадачило его, пока он не вспомнил времена своей юности, когда он тоже так думал. Он спрашивал себя, зачем кому-то отдавать неограниченную власть и позволять своему разуму и телу просто разрушаться без борьбы. Потом он оглянулся на свою жизнь в темноте, на ужасную боль, которую ежедневно испытывал от полученных ранений, на крики и кровь, которые снились ему, и на разочарование, когда он понял, что его дети не хотят иметь с ним ничего общего. Внезапно он слишком хорошо понял, почему Люк предпочел умереть, а не стать таким, как он.

Когда он схватил Сидиуса, чтобы сбросить его в шахту лифта, он не думал об этом. Если бы он подумал, Лорд ситхов уловил бы эту мысль через их связь и убил бы его еще до того, как он приблизился. Но он уже был близко, стоял совсем рядом, и Сидиус не ожидал этого. Вейдер был потрясен своим поступком не меньше, чем он сам. И все же, даже умирая, он не мог заставить себя пожалеть о своем выборе. Да, он оставил сына одного. Он был так слаб, и теперь Империя погрузится в хаос. Сидиус никогда не позволял советникам или сенаторам становиться серьезными соглашателями, так что у повстанцев были все шансы захватить власть. Если они это сделают, Империя начнет сражаться. Люк и раньше сражался с повстанцами, но, по правде говоря, это была жалкая группка, не более чем помеха. Они никогда не пытались сделать что-то большее, чем уничтожение имперского оружия и освобождение пленных. У них не было ни одной планеты, которая поддерживала бы их открыто (Альдераан тоже планировал, но...), и им приходилось прятаться во Внешнем кольце. Если они захватят власть, начнется гражданская война, о которой Сидиус всегда предупреждал его. У его сына впереди были десятилетия войны, в десять раз худшей, чем те случайные приключения, в которые он попадал. Хот был ничто по сравнению с тем, что его ожидало.

И все же Вейдер не пожалел, потому что, хотя Люк и был слаб в бою, он был так силен

сердцем. Лорд ситхов всегда будет сильнее мастера джедаев, потому что темная сторона дает одному человеку силу, превышающую естественную. И все же ситхов всегда могло быть только двое, и даже между ними предательство было настолько распространенным, что практически стало традицией. Джедай же, напротив, мог объединить силы с любым количеством союзников и тем самым поднять свою силу на новый уровень. Лорд ситхов мог стоять десяти джедаев, но даже у него не было шансов против сотни. Друзья Люка и его способность привлекать людей на свою сторону помогут ему в грядущей войне. Вейдер был доволен тем, что позволил ему сражаться в одиночку, потому что знал: даже если бы он был жив, то не смог бы помочь ему в этом. С этой мыслью он впервые почувствовал, что готов отпустить его.

<http://tl.rulate.ru/book/103150/3573811>